

— Знаешь, я уже на втором году пребывания здесь подал заявление на эвтаназию.

После простого обмывания тела Хань Цзюнь почувствовал себя немного лучше и даже захотел поговорить.

Пухляш, увидев, что Чжао Хунгуан придвинул стул, поспешно покинул голову Хань Цзюня и вернулся на запястье своего хозяина.

— Я знаю. Исполнительный директор рассказывал мне, почему они не могут принять твоё заявление на эвтаназию, но теперь... кажется, им придётся это сделать.

— Хе-хе, в конце концов, моя жизнь и смерть — всего лишь инструменты в игре Тауэр-зоны с Объединённым правительством.

Хань Цзюнь был совершенно спокоен, он усмехнулся, и в его взгляде появилась глубокая печаль. Затем он повернулся к Чжао Хунгуану:

— Ты очень способный, за такое короткое время смог привести в порядок моё ментальное море. Но восстановить ментальный бастион, наверное, будет не так просто.

Чжао Хунгуан не был уверен, знает ли Хань Цзюнь о том, что попытка восстановить его ментальный бастион привела к обратному эффекту. Он тихо хмыкнул, не отвечая конкретно, ведь чем больше говоришь, тем больше ошибок можно допустить.

Однако Хань Цзюнь, похоже, не хотел продолжать разговор о своём лечении. Он убрал с лица насмешливую улыбку, и его выражение стало серьёзным.

— У меня был совместимый проводник. Мы поженились и даже ездили в Тауэр-зону Святого Ванло в медовый месяц.

— Ты говоришь о Вэй Чэне? Он был моим старшекурсником. Как Верховный Проводник он действительно достоин тебя, Верховного Стража.

У Чжао Хунгуана не было особого мнения о Вэй Чэне. Он знал только, что тот обладал невероятной силой как проводник и в итоге пожертвовал своей жизнью ради Тауэр-зоны.

— Наша степень совместимости была 92%, это очень высокий показатель. Я слышал... что у нас с тобой 95%. Это невероятно. Мне повезло встретить двух проводников с такой высокой совместимостью. Ведь многие стражи всю жизнь мечтают о партнёре с совместимостью хотя бы 60%.

Хотя в последние годы ему не везло, Хань Цзюнь понимал, что в некоторых вещах он был

счастливчиком.

Хань Цзюнь вздохнул и продолжил:

— Думаю, тебе тоже интересно узнать о той битве, которая нанесла Тауэр-зоне огромные потери. К сожалению, я совершенно не помню, что тогда произошло. Я даже не знаю, как погиб Вэй Чэнь. Позже мне сказали, что его тело не нашли. Теперь в Кладбище павших героев Тауэр-зона воздвигла кенотаф на его имя.

Сказав это, Хань Цзюнь глубоко посмотрел на Чжао Хунгуана.

— Так ты хочешь навестить его?

Тихо спросил Чжао Хунгуан.

Хань Цзюнь горько улыбнулся и покачал головой. Он откинулся назад, чтобы полностью опереться на медицинскую кровать.

— Они не позволят мне покинуть Чёрную Башню. Я много раз просил руководство, но они всегда отказывали, ссылаясь на то, что стражи с синдромом берсерка должны находиться на карантине. Думаю, у меня не будет возможности положить на могилу Вэй Чэня его любимые розы.

Хань Цзюнь опустил глаза, и в этот момент он выглядел совершенно безжизненным. Его карие глаза покрылись серой пеленой.

— Можешь сходить к нему за меня? Как страж, я не смог защитить своего проводника. Я худший страж в Тауэр-зоне, недостойный похвал. Это я должен быть в аду.

— Хань... брат, не вини себя так. Я уверен, Вэй Чэнь не хотел бы видеть тебя таким.

Услышав эти слова отчаяния, Чжао Хунгуан почувствовал, как его сердце сжалось. Он не только сочувствовал Хань Цзюню, но и испытывал глубокое сожаление за Вэй Чэня, которого никогда не видел.

— Когда ты поправишься, я пойду с тобой, хорошо?

Чем больше Хань Цзюнь впадал в уныние, тем больше Чжао Хунгуан чувствовал, что должен его спасти. Он думал, что, если бы Вэй Чэнь был жив, тот поступил бы так же.

Тот, кто не умеет врать, всегда выдаёт себя. Хань Цзюнь, видя, как Чжао Хунгуан избегает его

взгляда, всё же улыбнулся и кивнул:

— Хорошо, тогда ты пойдёшь со мной.

— Чирик.

В воздухе витала печаль, и Пухляш почувствовал беспокойство. Он прыгал по запястью Чжао Хунгуана, а затем даже начал тереться головой о его пальцы, чувствуя, что его хозяин тоже стал грустным.

Чжао Хунгуан погладил мягкие перья Пухляша и серьёзно пообещал:

— Обязательно.

Поскольку попытка восстановить ментальный бастион Хань Цзюня провалилась и чуть не привела к его смерти, Чжао Хунгуан не решился продолжать в ближайшее время. Он пошёл в соседнюю комнату, взял у медперсонала тонкое одеяло и с помощью транквилизатора помог Хань Цзюню, который уже не мог заснуть самостоятельно, погрузиться в сон.

Чжао Хунгуан аккуратно накрыл Хань Цзюня одеялом и снова сел.

На самом деле ему очень хотелось расспросить Хань Цзюня о Вэй Чэне. Как проводник, который ещё не нашёл своего стража, Чжао Хунгуан хотел понять, как работает совместимость между стражем и проводником. Книги могли служить лишь ориентиром, но только практика была истинным мерилom.

— Пухляш, что мне делать?

Чжао Хунгуан оказался перед мучительным выбором. Хотя перед Линь Шаоанем он твёрдо заявил, что будет бороться за последний шанс Хань Цзюня, он не мог не думать о том, что провал задания мгновенно убьёт его. Должен ли он позволить Хань Цзюню провести последние дни в покое или рискнуть своей жизнью и жизнью Хань Цзюня в отчаянной попытке?

Пухляш наклонил голову, осматривая Чжао Хунгуана, а затем прыгнул на тело Хань Цзюня, стараясь клювом поднять одеяло, словно намекая на что-то.

Место, где стоял Пухляш, казалось Чжао Хунгуану немного неудобным, но он быстро понял, почему его духовное тело вело себя так странно.

Под одеялом было то, что хотел Пухляш. Этот корыстный духовный заставил Чжао Хунгуана почувствовать себя раздвоенным. Он всегда считал себя добрым, честным и скромным человеком, так почему же эта маленькая птичка была такой жадной?

В конце концов, Чжао Хунгуан с улыбкой схватил Пухляша, чтобы остановить этого маленького проказника от шалостей на теле уважаемого им Хань Цзюня.

— Пухляш, знаешь, на этот раз я могу умереть, и ты тоже умрёшь.

Чжао Хунгуан не преувеличивал. Он уже ощутил на себе, как его ментальные щупальца были сожжены более мощной силой. Пухляш яростно клевал пальцы, сжимавшие его, и его пушистые перья снова начали пушиться. Для Пухляша растрёпанные перья были хуже смерти.

— Пухляш, ты — часть меня. Ради твоего нового дома, давай, поделись со мной своей силой.

Видя, что его духовное тело не боится, Чжао Хунгуан немного успокоился. Хотя люди считали, что духовные тела — это лишь проекции подсознания стражей и проводников, Чжао Хунгуан давно привык считать Пухляша отдельным существом. Это был первый раз, когда он так искренне просил его о помощи.

На следующее утро мать Чжао Хунгуана прислала яичный рис, который он заказал. Опасаясь, что еда остынет по дороге, она специально купила термос.

Обычно люди, не работающие в Тауэр-зоне, или те, кто не является партнёрами высокопоставленных стражей или проводников, не могут просто так войти в Тауэр-зону, даже если это родители кого-то из них. Однако справка о родстве позволяла им передавать вещи своим близким.

В конце концов, связь между обычными людьми и теми, кто обладает способностями, невозможно разорвать.

Работник, доставлявший посылку, передал яичный рис охранникам Чёрной Башни, а те уже вручили его Чжао Хунгуану.

<http://bllate.org/book/15254/1345144>